

В этот момент мужчина внезапно взял женщину за руку, и они поменялись местами, сделав три шага вперед и два назад, опустившись на колени.

Это был очень странный ритуальный танец, который Му Цинцзя когда-то читал в книгах. В древности смертные использовали танцы для молитв и жертвоприношений, чтобы общаться с Небесным Дао, что было сходно с современными техниками заклинаний бессмертных, но постепенно было забыто.

Это, вероятно, был первый раз, когда он видел кого-то, практикующего ритуальный танец жертвоприношения.

С ускорением танца мир вокруг начал темнеть.

В воздухе появилось странное течение, сначала слабое и медленное, но через несколько мгновений оно превратилось в бурный поток, унося Му Цинцзя к женщине в белом на сцене!

Он вздрогнул, но, очнувшись, обнаружил, что все еще сидит на своем месте, а к сцене с мечом в руках мчался Хо Вэй.

Сверкающий клинок ударил по невидимому барьеру вокруг сцены, и защитный магический круг, словно лопнувший пузырь, начал разрушаться слоями.

Мужчина и женщина, потревоженные этим, продолжали танцевать. Мужчина, изображавший студента, сказал, не прекращая танца:

— Кто вы, бессмертный? Почему вы мешаете мне?

Хо Вэй гневно крикнул:

— Кража душ — это хорошее дело?!

Ритуальный танец вызывал потоки душ, и неудивительно, что Му Цинцзя почувствовал, как его разрывают на части.

После инцидента с Колокольчиком, поглощающим души, на горе Цинцю, его душа постепенно стабилизировалась, и связь с телом становилась все крепче, поэтому этот ритуал не мог на него повлиять.

Однако вокруг него находились сотни ничего не подозревающих смертных, чьи души насильно вытягивались!

Даже малейшая потеря души могла быть смертельной для смертного.

Первыми начали реагировать дети и старики. Один старик задрожал, пошатнулся и с грохотом упал на пол. За первым последовал второй, и те, чья жизненная сила была слабой, потеряв свои изначальные души, тела их быстро слабели.

Му Цинцзя, сжав губы, огляделся и понял, что нужно остановить этот ритуальный танец.

На сцене Хо Вэй своим мечом Минь Дэ пронзил барьер и направился к студенту. Тот, однако, оставался спокоен, продолжая танцевать, и вытаскивал веер, чтобы защититься.

— Смертный? — с удивлением произнес Хо Вэй.

В этот момент из-за занавеса выбежали два отряда воинов с топорами и окружили его. Он фыркнул, и пламя его меча мгновенно расплавило восемь воинов.

Остальные, человек десять-двадцать, упали на пол, издавая звонкий звук удара дерева.

Оказалось, что эти воины с топорами были не смертными, а куклами, сделанными из дерева, камня и металла!

Вся огненная духовная ци в этом месте контролировалась Хо Вэй, и все огни на сцене превратились в золотое пламя, осветив ночь, как день. Хо Вэй огляделся и заметил, что один из воинов с топорами упал на спину, и на его спине был выгравирован круглый символ.

Он нахмурился, подошел ближе и внимательно рассмотрел, его глаза сверкнули.

Круглый символ был круглым снаружи и квадратным внутри, и его узор отличался от традиционных символов, напоминая скорее медную монету.

— Где ты научился этой кукольной магии и Технике Властного Слова? — грозно спросил он.

Ритуальный танец достиг критического момента, и души начали медленно собираться вокруг женщины, проникая в ее тело через кожу. Как комар, напившийся крови, она ожила, и ее безжизненные глаза засверкали странным блеском, когда она посмотрела на Хо Вэй, словно насытившись.

Студент также остановил танец, зажег лист с символом и сказал:

— Вперед.

Один отряд воинов с топорами пал, но появился следующий, и Хо Вэй снова начал рубить, но вдруг нахмурился и замедлил свои удары.

Потому что теперь перед ним были не безжизненные куклы, а настоящие смертные из плоти и крови.

С другой стороны.

После остановки ритуального танца души перестали вытекать, но те, что уже были снаружи, не знали, как вернуться, и, казалось, ветер мог развеять их.

Му Цинцзя сосредоточился, и в его глазах начали появляться летающие, как пух тополя, белые пятна. Душа Бессмертной Лисы была белой лисой, и, вероятно, эти белые клубки были душами смертных.

Если он мог видеть души бессмертных, то почему не мог видеть души смертных?

Сосредоточившись, Му Цинцзя почувствовал, как его тело открыло какую-то странную точку, и души стали видны так ясно, как будто они были материальными, но они также стали более рассеянными, как туман, оседающий на земле.

Он не мог представить, что случится, если смертные потеряют свои души, и, лишь немного подумав, его деревянное тело наполнилось пустотой и болью, как будто он сам пережил это.

Не уходите! — мысленно крикнул Му Цинцзя. — Вернитесь!

Возможно, его желание было слишком сильным, но он почувствовал, как из глубины его тела возникла мощная сила притяжения, как магнит, которая начала притягивать души, похожие на пух тополя.

Души нежно теснились вокруг него, и в голове Му Цинцзя невольно возник образ цыплят, которые приняли его за мать, пушистые и окружившие его, как единственную курицу, заслуживающую их любви.

— Не ко мне, — с улыбкой сказал Му Цинцзя. — Вернитесь туда, где вы должны быть.

Белые облака замешкались, но в конце концов послушно разделились на маленькие белые грибы и разлетелись, попадая в тела каждого смертного в театре.

Увидев, что все, кажется, вернулось в норму, Му Цинцзя вздохнул с облегчением. Если он не ошибался, Древо возвращения души, из которого было сделано его тело, вероятно, было идеальным местом для обитания душ, и потому могло притягивать другие души.

Однако не все души нашли свой путь. Разрозненные души мерцали перед ним, как светлячки, хрупкие и чистые.

— Эй, вы потерялись? — улыбнулся он.

Мерцающие звезды поцеловали его нос.

Свет становился все ярче, и белый свет заполнил все его зрение, вызывая головокружение. Через мгновение свет рассеялся, и перед ним появилась старая хижина.

Прежде чем видение полностью поглотило его сознание, до него донесся далекий тревожный голос Хо Вэй.

— Му Цинцзя!...

Му Цинцзя резко поднял голову, но вместо своего младшего брата увидел деревенскую девушку, которая шла к нему с улыбкой, держа в руках чашку чая.

— Бабушка, — она наклонилась и поднесла чашку к нему, мягко сказала.

— Я не хочу пить, не хочу пить, — голос старухи вышел из горла Му Цинцзя. — Эти драгоценные вещи лучше оставь для себя.

— Нужно пить. Это продлит жизнь, — девушка улыбнулась, поджав губы. — И теперь трава яо уже не такая редкая, как раньше. Она растет повсюду в горах, и мы можем собирать ее сколько угодно. Градоправитель даже сказал, что в этом году будет продавать ее за пределы города.

Старуха, услышав это, взяла чашку и сказала:

— Ладно. Пусть этот рот, проживший шестьдесят лет, тоже попробует вкус бессмертной травы.

Вид был закрыт поднятой чашкой, и Му Цинцзя увидел, как в ней плавают нежные желтые листья.

Нежные и безобидные.

Старуха медленно наслаждалась ароматом чая, а девушка села рядом с ней на низкий стул,

блестящими черными глазами разговаривая с ней.

— Каждый день в глуши скучно. Бабушка, что интересного случилось с тобой сегодня в городе, можешь рассказать, чтобы развлечь внучку?

— Есть кое-что, — старуха улыбнулась, и на ее лице появились морщинки. — Сегодня ко мне приходил очень красивый господин, чтобы я нарисовала ему сахарного человечка. Он был умным и ловким, но язык у него был неуклюжим, и он долго не мог объяснить, что хочет.

Девушка засмеялась:

— Что он хотел нарисовать?

— Возлюбленную, — старуха улыбнулась. — Хотя он не говорил этого напрямую, угадай, что я нарисовала? Лису-оборотня.

Девушка засмеялась, но затем задумалась и с мечтательным взглядом сказала:

— У грамотных людей и возлюбленные сложнее, чем у деревенских, и их труднее понять.

Она посмотрела на почти пустую чашку, а затем на корзину для травы яо, стоящую у двери.

— С этой бессмертной травой, если мы сможем добиться успеха, я тоже отправлю своего сына учиться, а затем найду ему самую — сложную возлюбленную.

— Эта девчонка с детства была хитрой, — старуха щелкнула ее по лбу, смеясь. — Даже замужем не успокоилась.

— Хотеть жить лучше — это не плохо, — девушка засмеялась, и в уголках ее глаз уже появились морщинки, как у бабушки.

Свет в хижине становился все тусклее, и весенний ветерок шелестел листьями. Множество нежных желтых листьев качались на ветру, как мягкие волны, нежные и изящные, как весенние чувства девушки.

Однако вокруг травы яо все увядало, и сухая трава покрывала землю. Бледный лунный свет падал на быстро увядшие цветы, освещая мертвую полевую мышь, обнимающую стебель.

<http://bllate.org/book/16250/1461457>